

ПРОЛОГ

Эта история началась больше чем 140 лет тому назад.

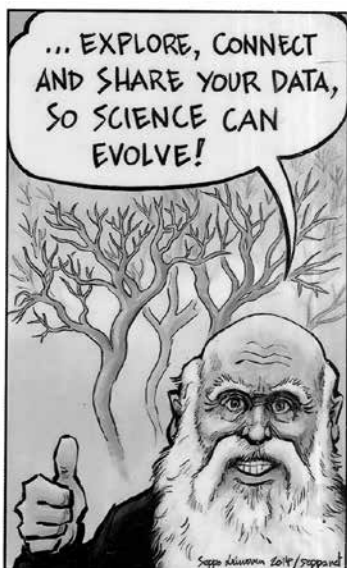
Национальная усыпальница Британской империи, Вестминстерское аббатство в Лондоне, 26 апреля 1882 г. приняло под свои своды тело человека, имя которого вот уже несколько десятилетий гремело по всему просвещенному миру, вызывая полный спектр эмоций — от восторженного почитания до откровенной ненависти и ядовитого сарказма. Человека, который при жизни меньше всего стремился удостоиться такой великой чести и желал бы обрести покой на уединенном сельском кладбище вблизи своего дома, подальше от тысячеглазых толп досужих туристов. Человека, который для многих, очень многих, был и остается образцом гениального исследователя, провидца и революционера в науке. Человека, который раз и навсегда изменил представление человечества о природе, о жизни на Земле и о самом себе. Человека с мудрым усталым взглядом и окладистой седой бородой, портреты которого в старости подозрительно напоминают изображения Бога-Творца, каким его представляли себе поколения европейских художников, от средневековых «богомазов» до французского юмориста Жана Эффеля (см. рис. на с. 8).

Знаменитый некрополь пополнился могилой Чарльза Роберта Дарвина, справедливо признанного одним из величайших ученых всех времен и народов. Как ни бранили его при жизни многие соотечественники, все в Великобритании прекрасно понимали: наряду с Исааком Ньютоном, Майклом

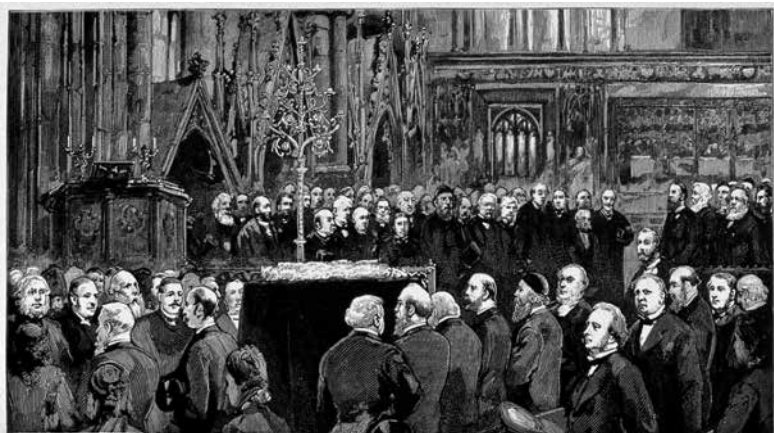
Фарадеем, Уильямом Гарвеем и многими другими выдающимися энтузиастами науки Дарвин принес бессмертную славу их родине — небольшому острову на северо-востоке Атлантики, история которого необычайно богата гениями и талантами первой величины.

Отзвучали торжественные речи и специально написанный погребальный гимн на слова из библейской Книги Притчей Соломоновых: *Happy is the Man that findeth Wisdom* («Блажен муж, обретающий мудрость»)¹. Так завершился земной путь Дарвина и началась его посмертная, не менее увлекательная и совсем не простая биография (см. рис. на с. 9).

Утомленное, побежденное тяжелой болезнью тело упокоилось под готическими сводами старинного собора, а мысль, которая в этом теле обитала, жива и по сей день и совсем

Сравните изображение Дарвина на современной открытке, изданной в Германии (из коллекции автора), и расхожее представление о ветхозаветном Боге-Творце как седобородом старце на облаке (рисунок Жана Эффеля). Если это и впрямь простое совпадение, то очень многозначительное...

Похороны Дарвина в Вестминстерском аббатстве.
Рисунок из журнала *Graphics* за 1882 г.

не собирается умирать. Мысль эта, воплощенная в толстых томах научных трактатов и в дешевых пересказах-переделках, предназначенных для совсем уж простой публики, растиражированная в учебниках, документальных фильмах и даже комиксах, выраженная на всех языках образованного мира, до сих пор встречает и яростное сопротивление, и скрытое недоверие. Борцы с «опасной идеей Дарвина» (так назвал его учение об эволюции путем естественного отбора американский философ Дэниел Деннет)² и в наши дни обрушивают свою критику не только на сам дарвинизм, но и на личность его творца. Дарвин стал персонажем городских легенд, современных мифов и залихватских биографических «реконструкций», создаваемых авторами постмодернистских романов. Его имя то и дело поминается все, по поводу и без, и спустя почти полтора столетия после кончины ученого никак не переведутся на свете охотники пинать *мертвого льва*. Расхожая фраза о том, что человек продолжает жить до тех пор, пока о нем помнят, лучше всего применима именно к герою этой книги.

Предлагать читателям еще одну, *сто первую*, биографию Чарльза Дарвина нет никакой нужды. Течение его жизни изучено вдоль и поперек, до мельчайших подробностей, благо что, кроме научных трудов, после него остались буквально горы исторических документов. Это записные книжки и черновики, переписка со множеством людей со всего мира, автобиографические заметки, воспоминания родственников и коллег. Дарвина не обошли своим вниманием не только биографы-ученые, историки науки, но и беллетристы, сумевшие отыскать материал для своих сочинений в его, в общем-то, небогатой яркими событиями и приключениями жизни (если не считать путешествия вокруг света на военном корабле Его Величества «Бигль», которое Дарвину посчастливилось совершить в молодости). Меня же привлекает в первую очередь *посмертная биография* моего героя. Кажется, такой книги в мировой «дарвиниане» еще не было. И это не только интеллектуальные метаморфозы теории Дарвина за последние 140 лет, косвенно затронувшие ее автора. Биография Дарвина продолжается в том смысле, что его личность и судьба порождают все новые и новые интерпретации и истолкования. С течением лет меняется восприятие Дарвина и в среде ученых, и у широкой публики, и его образ, как он представляется потомкам, весьма динамичен. Рискну предположить, что каждое новое поколение имеет *своего Дарвина*. Одно, пожалуй, остается неизменным все эти годы — высочайший научный авторитет великого натуралиста, который признают и его ученые оппоненты. К сожалению, этот авторитет приносил не одни только посмертные лавры. Историку придется вести рассказ и о посмертных репутационных потерях Дарвина — в которых, впрочем, сам он едва ли повинен.

В минувшем веке под флагом дарвинизма совершались иногда жуткие злодеяния. В верности Дарвину и его теории клялись настолько неприятные исторические персонажи, что это отчасти объясняет то слепое отторжение, которое у иных людей вызывает упоминание его имени. Созданное Дарвином

эволюционное учение использовали адепты самых разных, подчас противоположных политических движений и идеологий, совершенно далеких от проблем теоретической биологии. Красные, черные и красно-коричневые, радикалы и консерваторы, социалисты и утописты — всем им Дарвин, воплощенный символ «объективного научного знания», был нужен для достижения собственных узких и нередко корыстных целей. С такими «друзьями»-доброхотами никаких врагов не надо! Дарвин побывал и в роли «святого» в советских «безбожных святцах», и в качестве предполагаемого вдохновителя гитлеровского нацизма. Его идеи трепали, коверкали и препарировали кто во что горазд. Бывали и совершенно анекдотические интерпретации. Так, известный английский писатель Олдос Хаксли (внук не менее известного дарвиниста Томаса Хаксли, или Гексли, как у нас обычно, но неправильно, пишут) в молодости высоко оценил «разрешение на свободную половую жизнь как главное и немедленное благо, которое он вынес для себя в результате прочтения “Происхождения видов”»³. No comments.

О Дарвине любили порассуждать с важным и ученым видом люди, знавшие о его взглядах из вторых и даже третьих рук и вместо подлинных текстов великого биолога читавшие их вульгарные пересказы. Да и среди многочисленных «диванных экспертов» теперешней цифровой реальности, заполняющих интернет-форумы сочинениями на тему «Дарвин был неправ», слишком велика доля тех, кто едва ли помнит, как выглядел учебник биологии, по которому их учили в средней школе, не говоря уж о его содержании.

Я не случайно выше упомянул святцы. Гениальный естествоиспытатель Чарльз Роберт Дарвин для большинства здравомыслящих ученых не является «священной коровой», которую непозволительно критиковать, а можно только курить перед ней фимиам и изгибаться в поклонах. В эпоху, когда он жил и работал, биология находилась, по сути, в пеленках, очень многое еще только предстояло открыть (например, законы

наследственности и молекулярные основы передачи и хранения генетической информации). Поэтому Дарвин нередко добросовестно заблуждался, и несколько выдвинутых им гипотез не выдержали проверку временем и отправились на архивные полки. Он сам прекрасно понимал всю меру своего незнания и везде, где только можно, пытался обойтись без спекулятивных предположений. А там, где нельзя, — что же, не обходился и выдвигал хотя бы умозрительные объяснения, видя в них нечто вроде строительных лесов, которые будут убраны, как только постройка здания научной теории завершится. Дарвин действовал совершенно так же, как современные ему ученые (да и современные нам тоже). Как поступал, сталкиваясь с необъяснимым, великолепный Исаак Ньютон, хотя он и гордо заверял, что гипотез не измышляет. Забегая чуть вперед, скажу, что даже центральная концепция дарвинизма, идея естественного отбора, в эпоху Дарвина оставалась гипотетической, и сам он не располагал, пожалуй, ни одним реальным примером естественного отбора в природных условиях.

С таким вот противоречивым наследием пришлось разбираться нескольким поколениям эволюционных биологов после Дарвина. Они изрядно потрудились, отделяя зерна от плевел, и на этом пути нередко возникал соблазн даже не «поправить» теорию Дарвина, а попросту отменить ее, предложив взамен новую, более правильную концепцию, описывающую и объясняющую механизм эволюции живого. Такие попытки за истекшие 14 десятилетий предпринимались не один раз, но время показало, что идеи Дарвина успешно выдержали все испытания и до сих пор доминируют в биологии, в то время как большинство альтернативных эволюционных теорий давно и совсем забыты. Термин «естественный отбор» прочно вошел в научный лексикон и в наши дни постоянно используется для описания событий и процессов, наблюдаемых в биосфере.

При этом, однако, никто не может требовать, чтобы все биологи строим и с бодрой песней следовали за дарвиновской

мыслью. Эволюционная биология продолжает развиваться, и впереди ее явно ожидает немало интересных открытий, которые внесут коррективы в привычные представления. Эволюция — чрезвычайно многогранный процесс, и вряд ли сегодня кого-то из ученых шокирует предположение, что она может идти нестандартным путем (или даже путями), совсем «не по Дарвину». Об этом мы тоже обязательно поговорим.

Если вы окажетесь в Лондоне и будете иметь несколько свободных часов, побывайте в Вестминстерском аббатстве. В этом «городе мертвых» царят не только тишина и полумрак, но и строгий порядок: каждый усопший покойся здесь в окружении себе подобных. В одном уголке собора собраны поэты, в другом — композиторы, в третьем — политики и полководцы. Есть и своего рода квартал ученых, центром которого служит пышно украшенное барочное надгробие сэра Ньютона. Забредший сюда посетитель встретит немало громких имен: Фарадей, Резерфорд, Ливингстон...⁴ Неподалеку от роскошного мемориала в честь автора закона всемирного тяготения вы увидите скромную серенькую плиту в полу, на которой высечено следующее:

CHARLES ROBERT DARWIN

BORN 12 FEBRUARY 1809

DIED 19 APRIL 1882

Никаких других слов не нужно⁵.

О мировоззренческом, общенаучном значении дарвинизма прекрасно сказал известный американский эволюционист Франсиско Айала: «Величайший вклад Дарвина в науку заклю-

чается в том, что он завершил революцию Коперника, разработав для биологии понятие природы как системы движущейся материи, управляемой естественными законами. С открытием Дарвином естественного отбора вопросы происхождения и адаптации организмов стали достоянием науки. Адаптивные особенности организмов теперь можно было объяснять, подобно явлениям неживого мира, как результат естественных процессов, не прибегая к идее Разумного Творца»⁶. Совсем нелишне уточнить, что человек, написавший эти строки, — бывший католический священник, хотя и ставший биологом, но убежденный в том, что наука и религия в своих основах не противоречат друг другу.

Happy is the Man that findeth Wisdom.

Санкт-Петербург, СПбГУ

07.12.2022

БЛАГОДАРНОСТИ

Раздел «Благодарности» — необходимый компонент научно-популярной книги, и один из самых ответственных. По правилам приличия автор обязан сказать в нем свое спасибо всем-всем-всем, кто в какой-то степени способствовал явлению на свет его труда. Если таких помощников было много, то сложность задачи резко возрастает. Наверняка кого-нибудь да забудешь, а человек обидится. Бывает изредка и обратная ситуация, когда автору высказывают претензии за то, что их упомянули в «благодарностях» (со мной такое случалось, но не будем об этом).

А как быть, если людей, которых следует поблагодарить, *очень много*? Чтобы написать «Мертвого льва», мне потребовалось несколько лет обучаться ремеслу биолога (с 1995 по 2003 г.), а потом еще большее число лет собственной профессиональной работы в области зоологии беспозвоночных, биогеографии, экологии и некоторых других разделов биологии. Более двух десятков лет ушло на размышления, сбор фактов, а главное — беседы с коллегами и единомышленниками. За эти долгие годы я получал помощь и поддержку от великого множества людей: университетских преподавателей, коллег, журнальных рецензентов, а также собеседников в очных и виртуальных дискуссиях по тем или иным вопросам, затронутым в этой книге. Кроме биологов в таком плодотворном и очень полезном для меня общении участвовали философы, социологи, историки науки и представители других областей знания. Осознав, что вспомнить и перечислить здесь этих самых «всех-всех-всех»

решительно невозможно, я принял непростое, но единственно разумное решение: сказать особое спасибо лишь тем из моих коллег, кто принял участие в подготовке этой книги после того, как она была отправлена в издательство, кто взял на себя труд познакомиться со всей рукописью или ее частью и высказать свои суждения и замечания. Очень надеюсь, что на такое явное поправление правил приличия «все-все-все» не обидятся.

Мой главный долг — сказать самое искреннее спасибо научному редактору «Мертвого льва», сотруднику Института проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова РАН генетику Валентине Артамоновой. Валентина взяла на себя сложнейшую задачу внимательно, с карандашом в руках, прочитать этот довольно объемный текст и проверить все (я не преувеличиваю) детали, даже самые мелкие, такие, какие я сам рассматривал как второстепенные, частные. Зоркий глаз Валентины помог выявить в рукописи несколько досадных фактических ошибок, а также множество не очень удачных или сомнительных выражений. Конечно же, помимо проверки деталей, ею была критически проанализирована и общая концепция книги, и концепция каждой из глав, и все выводы, которые я в них излагаю. Мы не были с Валентиной во всем согласны, особенно в оценке некоторых теоретических положений и исторических событий, но, стремясь улучшить и исправить рукопись, прекрасно сумели найти компромиссные выражения и формулировки для всех спорных случаев. По просьбе Валентины везде, где мои утверждения казались ей спорными или субъективными, я либо давал ссылку на источник информации (книгу, статью), либо добавлял сакраментальное «по моему мнению» или «я думаю, что...».

Для улучшения текста книги многое дало и личное общение с Александром Махровым, генетиком и ихтиологом, работающим в том же институте, что и Валентина. С ним (нередко в компании Валентины) мы обсудили множество вопросов, касающихся эволюционной биологии, генетики, а также их

истории (в первую очередь — истории лысенкоизма). Эти беседы позволили мне найти ряд удачных формулировок и аргументов для более точного выражения собственных мыслей.

Я признателен сотрудникам издательства «Альпина нон-фикшн» и руководителю проекта Александре Шуваловой, а также литературному редактору Анне Щелкуновой, без их участия эта книга не увидела бы свет.

Работа над научно-популярными книгами всегда требует от автора на некоторое время отвлечься от собственной исследовательской работы. Я имел такую возможность благодаря Санкт-Петербургскому государственному университету, Санкт-Петербургскому филиалу Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (СПбФ ИИЕТ РАН) и Российскому научному фонду, поддержка которых обеспечила мне необходимый досуг (при этом все три организации напрямую работу над этим проектом не финансировали).

Наконец, самые искренние слова моей признательности адресованы сотрудникам трех библиотек, книжными сокровищами которых я пользовался, работая над историей «мертвого льва». Это библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, Зоологического института РАН и СПбФ ИИЕТ РАН. В них я всегда находил исключительно радушный прием, внимание и искреннее желание помочь, что также пошло на пользу книге, которую вы сейчас держите в руках.